

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА
РАССКАЗОВ И.А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Толмачевой Эльвины Геннадиевны

Научный руководитель
к.фил.н., доцент
Шубина Н.Г.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Эмоционально-экспрессивная лексика в системе русского языка...6	
§1. Эмоционально-экспрессивная окраска слов.....	6
§2. Понятие коннотации и принципы изучения коннотативного значения в лингвистике.....	11
Глава II. Функциональное своеобразие и особенности семантики эмоционально-экспрессивной лексики в языке художественных произведений И.А. Бунина.....	19
§1. Особенности лексического состава текстов рассказов И.А. Бунина....	19
1.1. Лексика с коннотативным значением в текстах И.А. Бунина.....	21
1.2. Контекстуальная коннотация.....	33
1.3. Аффиксальные средства выражения коннотативного значения в цикле рассказов «Темные аллеи».....	38
§2. Работа с изобразительно-выразительными средствами лексики на уроках русского языка.....	41
Заключение.....	44
Список использованной литературы.....	48
Приложения.....	57

ВВЕДЕНИЕ

В жизни человека эмоциональность проявляется в разных формах: в его деятельности, в межличностных отношениях людей, в общественной активности. Не ограничиваясь пределами интеллектуального, эмоции и экспрессия проявляются в речи, накладывая отпечаток на оформление и сообщение мысли говорящим, на восприятие ее адресатом. Эмоциональные речевые произведения и экспрессивная речь создаются объективными средствами языка – фонетическими, лексическими и грамматическими. В высказывании, адресованном собеседнику, говорящий не только сообщает информацию, но и выражает свое личное, субъективное отношение к ней, в том числе и эмоциональное. Эмоциональная окраска – это уникальный способ оформления и выражения личной эмоциональной реакции говорящего на собственное высказывание. Поэтому изучение эмоциональной деятельности языковой личности является **актуальной** проблемой для современной лингвистики.

Изучение же человеческого фактора в языке неразрывно связано с его экспрессивно-эмоциональной функцией (в широком смысле) в коммуникативных высказываниях реализуется системой разноуровневых языковых средств, значительную часть которых составляют слова с коннотативным компонентом значения. Однако лексические средства рассматриваются исследователями неоднозначно как в плане языкового статуса коннотации, так и с точки зрения ее объема и природы, специфики тех или иных коннотативных значений и способов их репрезентации в языке и речи неоднозначно представлено коннотативное описание слова в лексикографии, о чем свидетельствуют словарные пометы, отражающие коннотативную семантику слова.

В современной лингвистике проблемы эмоций и экспрессии в языке и речи рассматриваются многими направлениями: психолингвистикой, когнитологией, лингвокультурологией. «Мир эмоций» изучается и новым направлением – лингвистикой эмоций, для именованной которой

предлагаются вариативные названия: эмотология (В.Г. Гак), эмоциология (О.Е. Филимонова) и эмотиология (В.И. Шаховский).

Цель выпускной квалификационной работы – выделить в тексте произведений Ивана Алексеевича Бунина эмоционально-экспрессивную лексику и охарактеризовать ее функционально-семантическое своеобразие.

Объектом исследования является язык произведений Ивана Алексеевича Бунина. **Предмет исследования** – эмоционально-экспрессивная лексика, представленная в текстах произведений И.А. Бунина.

В соответствии с целью, объектом и предметом сформулированы **задачи исследования:**

- 1) установить особенности эмоционально-экспрессивной лексики на основе изучения научной литературы;
- 2) определить состав эмоциональной лексики в тексте художественного произведения, классифицировать ее;
- 3) провести анализ эмоционально-экспрессивной лексики, выявленной в процессе работы с текстами художественных произведений Ивана Алексеевича Бунина;
- 4) выявить наиболее типичные для И.А.Бунина средства выражения коннотативного значения.

Теоретико-методологическую основу составили положения об экспрессивности и эмоциональности в языке; о языковых механизмах экспрессивности; о стилистическом расслоении русской лексики, изложенными в работах В.Н. Гридин, Л.П. Крысина, М.К. Шакова, Л.Г. Бабенко, О.Ф. Шматина, Д.Н. Шмелева, И.Н. Худяков и др. Проблема отражения в языке национального сознания, культуры, традиций народа рассматривается в трудах Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, В.К. Харченко, А.Л. Шарандина, В.И. Шаховского и др.

Для проверки исходных положений в соответствии с поставленными задачами использовались следующие **методы исследования:**

теоретический анализ лингвистической литературы, лингвосмысловый анализ, то есть выделялись контексты с эмоциональной-экспрессивной окраской, метод компонентного анализа, который позволил выделить эмоционально-оценочные значения слов. В нашем исследовании нашли воплощение метод непосредственных наблюдений при сборе материала (наблюдения над лексическими элементами, функционирующих в текстах произведений И.А. Бунина); метод дифференциального отбора (классификация слов на основе наличия коннотации); метод лексико-семантического анализа слова (анализ лексического значения слова); описательный метод, включающий в себя классификацию и обобщение собранного материала; метод компонентного анализа, который включает в себя приемы семного анализа.

Анализ эмоционально-экспрессивной лексики привлекает внимание многих исследователей: А. Герасимовой (1988) Л. Жуковой (1991); Т.Я. Ким (1999); Н.В. Кулибиной (2007); Л.Л. Фёдоровой (2003) и Е.Е. Топильской (2003) и др. Трудность проблемы обусловлена тем, что одно и то же слово в разных контекстах может или проявлять свою экспрессивно-эмоциональную окраску или быть нейтральным.

Материалом для исследования послужили тексты коротких рассказов, которые были написаны И.А. Буниным в период с 1943 по 1946 год и вошли в сборник «Темные аллеи». «Темные аллеи» - самое совершенное из всех творений Бунина и самое показательное. «Ни в каком другом нет такого красноречивого лаконизма, такой четкости и тонкости письма, такой творческой свободы, такого поистине царственного господства на материей» – пишет О. Михайлов [Михайлов 2005: 23].

Структура работы состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения.

Глава I. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Эмоционально-экспрессивная окраска слов

Проблема соотношения формы и содержания лексической единицы занимает особое место в лингвистической науке о лексике русского языка.

В своей коммуникативной функции язык служит не только для выражения мыслей людей, но и для выражения их чувств, переживаний, воли, то есть слова нашего языка могут не только называть какие-либо явления действительности, но и выражать субъективное (положительное или отрицательное) отношение говорящего к данным явлениям. Слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность (типа *бабуся, миленький, духотища*), бранные слова (*мерзавец, негодяй*) и междометия (*Браво! Чёрт побери!*) обладают яркой эмоциональной окраской. Словарь-справочник лингвистических терминов Д.И. Розенталя и М.А. Теленковой классифицирует их как эмоциональную лексику [Лукьянов 1994: 75].

Эмоциональность речи нередко передается особо выразительной экспрессивной лексикой. Под экспрессивностью мы понимаем выразительность, силу проявления чувств и переживаний. Сторонники узкого понятия исследуемой проблемы считают, что экспрессивность представляет собой такое свойство языкового знака, которое подразумевает высокую степень проявления признака или протекания действия. В русском языке немало слов, у которых к их номинативному значению добавляется элемент экспрессии, например, у слов *чудесный, эксклюзивный, великолепный* можно выявить положительную окраску эмоций, а в словах *презирать, ненавидеть, ругать* ощущаются отрицательные эмоции. Во всех этих случаях семантическая структура осложняется коннотативностью.

Ученые, различая экспрессивность речи и экспрессивность языковых единиц, под экспрессивностью в широком смысле понимают определенную функцию некоторых языковых единиц – функцию воздействия. Так, Н.А. Красавский коннотативными называет такие единицы, которые кроме номинативной и сигнификативной функций (собственно функции обозначения и обобщения) выполняют еще и прагматическую функцию (функцию воздействия), т. е. такие единицы, «основное предназначение которых не просто назвать тот или иной элемент действительности, а сделать так, чтобы воздействовать на собеседника, причем вторая задача выходит на первый план» [Красавский 2002: 90]. Примеры коннотативных слов мы сможем обнаружить в синонимических рядах, включающих кроме нейтрального слов несколько экспрессивных синонимов, которые различаются по степени эмоционального напряжения; ср.: *несчастье – горе, бедствие, катастрофа; буйный – безудержный, неукротимый, неистовый, яростный*. Экспрессивные оттенки разграничивают слова одобрительные (*великолепный, чудесный, очаровательный, умница*) и пренебрежительные (*кривляться, стяжательство*).

Экспрессия слова нередко наслаивается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов преобладает экспрессия, у других – эмоциональность. Поэтому часто разграничить эмоциональную и экспрессивную окраску слова не представляется возможным, и тогда говорят об эмоционально-экспрессивной лексике (экспрессивно-оценочной).

Слова по характеру экспрессивности можно разделить на лексику с положительной оценкой называемых понятий и лексику с отрицательной оценкой называемых понятий. К лексике с положительной эмоциональной оценкой относятся слова ласкательные, высокие, например, *миролюбивый, антивоенный, великодушный*; к лексике с негативной эмоциональной оценкой – слова неодобрительные, бранные, презрительные, иронические, вульгарные и подобные, например, *терроризм, расизм*.

Экспрессивные оттенки развиваются в семантике слова в результате его метафоризация. Поэтому в большинстве случаев изобразительно-выразительные средства языка, представленные в художественных текстах, характеризуются наличием коннотации в лексическом значении слова. Например: *гореть на работе, падать от усталости, пылающий взор, голубая мечта, летящая походка* и т. д. Эмоционально-экспрессивная окраска слова формируется в контексте: в нем нейтральные в стилистическом отношении единицы могут становиться эмоционально окрашенными, высокие – презрительными, ласковые – ироническими и даже бранное слово (*подлец, дурака*) может прозвучать одобрительно.

Эмоциональная окраска слова может выразить отношение говорящего к тем понятиям, которые отражаются семантикой слова: в этом случае формируется оценочность как семантическая составляющая лексического значения лексемы. Например, восхищаясь красотой белого цветка, можно назвать его *белоснежным, белехоньким, лилейным*. Эти слова эмоционально окрашены: положительная оценка отличает их от стилистически нейтрального определения *белый*. Эмоциональная окраска слова может выразить и отрицательную оценку называемого понятия *белобрысый, белесый*. Поэтому эмоциональную лексику называют еще оценочной (эмоционально-оценочной) [Розенталь 2005: 100]. Д.А. Романов трактует экспрессивность как «выразительно-изобразительное качество речи», отличающие ее от обычной (стилистически нейтральной) придающие ей образность и эмоциональную окрашенность. «Важным моментом в данном случае, – как пишет ученый, – является фиксация основного критерия определения экспрессивности – это граница между нейтральной нормативностью и выходящей за рамки нормативности выразительностью единиц речи» [Романов 2004: 78]. Такой подход отождествляет понятие экспрессивности с понятиями эмоциональности или оценочности. При этом эмоциональная окраска «накладывается» на

лексическое значение слова, но не сводится к нему: денотативное значение слова осложняется коннотативным.

Д.Н. Шмелев, характеризуя эмоционально-экспрессивную лексику, выделяет, три группы: 1) слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения; 2) слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств; 3) слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений. По мнению Д.Н. Шмелева, только по отношению к двум последним группам слов было бы оправданным наименование «эмоционально окрашенная лексика» [Шмелев 2004: 164], так как слова, обозначающие эмоции, не окрашены этими эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями.

Т.И. Кочеткова считает, что понятия «эмоциональное» и «оценочное» не являются взаимозаменяемыми, так как проявление эмоций не всегда сопровождается оценкой. Оценка же может представлять собой общеоценочное представление (хороший или плохой), которое, как и сама категория оценки, является социально обусловленным, так как они исторически сформировались в обществе. Но в то же время оценка является и субъективной, индивидуальной, потому что она дается с позиции самого говорящего [Кочеткова 2005: 83].

На основе выше изложенного можно сделать вывод, «эмоциональное» связано с проявлением чувств, однако человек не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются. А это значит, что «эмоциональное» является в то же время «оценочным».

М.И. Фомина считает, что дополнительная оценочность, особая экспрессивно-эмоциональная окраска слов выражается в семантическом составе слова по-разному.

Во-первых, она создается особыми словообразовательными средствами - приставками, суффиксами, повтором однокоренных слов и т.

д.; ср.: *ругать* - *выругать*; *нос* - *носик*, *носище*; *крепко-накрепко*. Этот способ - один из продуктивных в русском языке.

Во-вторых, она присуща самой семантике отдельных слов и соответственно объективирована (закреплена в современных толковых словарях). Например, книжное слово *абракадабра* - это не просто «набор непонятных слов», а еще и «бессмысленный набор непонятных слов»; *авантюрист* - не просто «человек, занимающийся авантюрами», но «беспринципный человек, занимающийся сомнительными по честности делами»; *позёр* - это не просто «человек, который занимает ту или иную позу», а еще и «стараящийся произвести впечатление своим поведением, внешностью»; *пособник* - не просто «помощник в делах», а «помощник в дурных, преступных делах или действиях». Ср. также эмоциональную окраску слов *баталия*, *возведен*, *деляга*, *жеманиться*, *лазейка*, *лютый*, *модерновый*, *отгрохать* и др. (напомним, что значение подобных слов по выполняемой функции относится к экспрессивно-синонимическим).

В-третьих, стилистическая окраска может входить как элемент в общую семантическую структуру слова (наряду с его основной, предметно-логической соотнесенностью). Подобное наблюдается в словах, обозначающих чувства (*жалеть*, *любить*, *ненавидеть*), переживания (*волноваться*, *горевать*, *радоваться*), признаки и качества (*вкусный*, *горький*, *отличный*, *хороший*). Однако в данном случае мы имеем дело не с собственно семантическими явлениями, так как чувства, переживания, качества и т. д. исконно присущи самим предметам, действиям, признакам и соответственно сложившимся понятиям о них [Фомина 2001: 244]. Тем не менее, такие слова тоже используются для придания речи эмоциональной окрашенности.

Использование слов с яркой эмоционально-экспрессивной окраской оживляет речь. В речевой практике мы, подчиняясь условиям общения, все же стремимся воздействовать на собеседника, для чего и выбираем лексику с коннотативным значением, стремясь создать эмоциональный

образ. В этом случае коннотативная лексика выполняет изобразительно-выразительную функцию в речевом произведении: язык любого сочинения или высказывания становится выразительным и эмоциональным лишь при условии, что автор обратится к эмоциональной и экспрессивной лексике, которая не только придает языку живость, но и способствует созданию более точного образа.

§2. Понятие коннотации и принципы изучения коннотативного значения в лингвистике

Впервые в науку о языке термин «коннотация» введен Леонардом Блумфилдом, позаимствовавшем его у психолога Дж. Ст. Милля. Это понимание легло в основу использования термина в лексической семантике, подвергшись при этом уточнению и изменению: «...коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. Например, *петух* в значении «самец курицы» коннотирует признак «задиристость»: *петух* 2 - «задиристый человек - как бы петух 1 по коннотации задиристости» [Апресян 1995: 159].

В современной лингвистике содержание понятия «коннотация», получившее неоднозначно толкование, все же определенным образом связано с экспрессивной окраской номинативных единиц языка [Алефиренко 2005: 162]. Эффект речевого воздействия определенным образом обусловлен именно тем «добавочным» значением слов и выражений, которое им придает экспрессивность, национально-языковое своеобразие, культурологическую ценность. Ср.: *скупой* – человек, проявляющий жадность – *скупец*, *скряга* – разг., неодобр., усилит.; *жадина* – обих.-разг., неодобр., усилит.; *скопидом* – разг., неодобр.; *жадюга* – прост., презр., усилит.; *скарעד* – обих.-разг., неодобр.; *скареда* –

обих.-разг., неодобр.; *сквалыга* – прост., презр.; *сквалыжник* - прост., презр.; *скупердяй* – груб. - прост., презр.; *жила* - груб.- прост., презр.; *жмот* - груб.-прост., презр.[Алефиренко 2005: 162]. Нетрудно увидеть за общим денотатом просматриваются дополнительные смысловые, экспрессивные, эмоциональные и стилистические особенности каждого из перечисленных выше слов. Кроме этого, многие из них выражают отношение к объекту номинации, например, презрительное, и различного рода оценки, например, неодобрение.

К основным признакам коннотации относят:

- а) признак дополнительности к денотативному аспекту значения;
- б) вторичность коннотации по отношению к денотации;
- в) выражение эмоциональной, экспрессивной и оценочной информации.

Однако названные признаки не могут служить достаточным основанием для уяснения лингвистического статуса коннотации, который предполагает прежде всего определение характера отношения коннотации к семантической структуре слова или фразеологизма. Но именно это и является наиболее уязвимым местом современной семантической теории. Пока во взглядах семасиологов в определении языковой природы коннотации преобладают расхождения [Алефиренко 2005: 163]. Вот лишь наиболее известные утверждения:

- коннотация – составная часть семантического содержания номинативных единиц (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, В.Н. Телия, В.И. Шаховский);

- коннотация не является составной частью языковой семантики (Ю.Д. Апресян, Н.Г. Комлев, Д.Н. Шмелев);

- коннотация – окраска, семантические оттенки языковых единиц (Э.С. Азнаурова);

- коннотация – элемент сигнификата (О.С. Ахманова);

- коннотация – компонент импликационала, составляющая ассоциативно-образного рисунка слова или фразеологизма (В.Н. Телия);

- коннотация – потенциальная ассоциативная энергия слова (В.В. Виноградов);

- коннотация – это стилистическое значение (И.В. Арнольд, А.В. Филиппов).

Еще большая пропасть между различными точками зрения на сущность коннотации образуется при ее лингвистической интерперетации [Алефиренко 2005: 163]. Это относится прежде всего а) к семиотической теории коннотации, разрабатываемой Л. Ельмслевым и Р. Бартом; б) психолингвистической теорией, представленной именами таких ученых как А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, Р. Роммевейт, М.С. Портер и др.; в) к философской теории коннотации (В.П. Алстон); г) к стилистической теории коннотации (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд).

Семиотический подход к пониманию коннотации ориентирует нас на прагматику речевой деятельности (на выбор «субкода» и отношение говорящего к языковым знакам).

Психолингвистический подход основывается на понятиях ассоциативной и эмоциональной структур речемыслительных процессов, в частности на их национально-культурологических аспектах. В соответствии с этим коннотация определяется как «ореол», «атмосфера», «призма», «дымка», которые «наслаиваются», «прикрепляются», «обволакивают», «пронизывают» и под. предметно-логическое значение. В результате такого разноцветья метафорических определений «коннотация», - по справедливому замечанию В.И. Шаховского, - по-прежнему остается привлекательной, но не пойманной жар-птицей для современной семасиологии» [Шаховский 1983: 13].

Не следует отказываться от опыта семиотического и психолингвистического осмысления коннотации. Лингвистическая интерпретация слов и фразеологических оборотов только углубит понимание языковой коннотации, обострит ее несомненный антропометрический характер. Особенно ценными в этом плане являются

исследования В.Н. Телия В.И. Шаховского. В.Н. Телия первой среди исследователей указала на семантическую сущность коннотации, которая узуально или окказионально входит в семантику языковых единиц и выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего к обозначаемой действительности. Ср.: глагол *превзойти* – обнаружить превосходство над кем-, чем-либо – со слабо выраженной экспрессивностью и его синонимические экспрессивы – *затмить* усилит., *забить* разг., *перецеголять* разг., *переплюнуть* прост., *перекрыть* прост., *перешибить* прост., *заткнуть за пояс* кого разг., *утереть нос* кому разг. При этом эмотивно-оценочное отношение говорящего получает, как видим, стилистическую маркированность, т.е. выраженную стилистическую окрашенность и прагматическую значимость.

Лингводидактическую конкретизацию такого понимания коннотации находим в работе В.И. Шаховского: «Коннотация – это аспект лексического значения единицы. С помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» [Шаховский 1983: 14].

В.И. Шаховский разъясняет, что коннотативный аспект значения представляет собой некоторую совокупность семантических микрокомпонентов, посредством которых реализуется эмотивная функция слова. Иными словами, такие семантические микрокомпоненты являются семами, точнее коннотативными семами. Однако вопрос в том, какую совокупность сем следует относить к коннотации.

Представители «широкого» понимания коннотации включают сюда эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические микрокомпоненты (семы) значения. Сторонники (узкого) понимания коннотации не все указанные микрокомпоненты значения считают коннотативными, но и между ними существуют серьезные разногласия.

А.В. Филиппов, например, видит содержание коннотативного аспекта значения только в двуединстве эмоционального и стилистического микрокомпонента [Филиппов 1978: 60]. Оценочность и экспрессивность по сущности своей не коннотативны.

Свою точку зрения А.В. Филиппов аргументирует тем, что 1) оценочность – это прагматический компонент понятия, определенный аспект денотации, а не коннотации, а 2) экспрессивность вообще находится за пределами семантической структуры слова, поскольку всегда окказионально связана с «удачным» отклонением от нормы, возникает лишь в процессе речи, почему и не может являться языковым явлением [Филиппов 1978: 60].

Такую же позицию занимает В.И. Шаховский: «Оценочный и экспрессивный компоненты не являются собственно коннотативными, они компоненты денотации». Однако точка зрения А.В. Филиппова не находит поддержки в работах Э.Г. Ризель. Она считает, что стилистический микрокомпонент значения и коннотации – понятия несовместимые. Ее аргументы сводятся к тому, что стилистический микрокомпонент – это действительно составная часть семантической структуры слова, а коннотации частью лексической семантики не являются [Алефиренко 2005: 165].

Диссонансом этому утверждению звучит вывод Л.Е. Кругликовой, считающей, что «эмоциональный и оценочный компоненты входят в семантическую структуру. А стилистический – нет» [Кругликова 1988: 63]. В качестве аргументов выделяются следующие положения:

1. Эмоциональная окраска и экспрессивность – свойства единиц языка, а функционально-стилистические характеристики они получают в связи с употреблением их в речи.

2. Изменение эмоциональной окраски и экспрессивности может привести к изменению лексического значения. Изменение стилистического микрокомпонента такого эффекта не имеет.

3. Функционально-стилистическая окраска не оказывает существенного влияния (в отличие от эмоционального и экспрессивного компонентов) на понятийное содержание слова.

Точка зрения Л.Е. Кругликовой противопоставлена позиции и А.В. Филиппова, и Э.Г. Ризель. Не совпадает она с мнением и В.И. Шаховского, который признаки коннотации в широком понимании (эмотивная, оценочная, экспрессивная и стилистическая окраска) классифицирует следующим образом. Оценка и экспрессия, по его мнению, - это микрокомпоненты денотативного аспекта значения. Основой экспрессивности является интенсивность – категория понятийная, служащая отражением степени проявления какого-либо признака предмета номинации [Алефиренко 2005: 166]. Поэтому ее необходимо считать частью денотации слова.

Другой конструктивной основой экспрессивности является живое, наглядное представление о предмете номинации, т.е. образность слова. Многие номинативные единицы являются экспрессивными именно потому, что содержат в себе семантический микрокомпонент, способный вызвать наглядное представление, создать картину. Это развивает прагматическую, т.е. воздействующую, силу слова.

Итак, по мнению В.И. Шаховского, интенсивность и образность связаны с отражением предметов номинации. Поэтому экспрессивность, основанием которой они служат, - свойство денотации слова [Цит. по Алефиренко 2005: 166]. При этом он отличает экспрессивность как семасиологическую категорию, присущую слову в системе языка, от экспрессивности стилистической, которая является индивидуально авторским созданием, формируемым при помощи языковых средств и стилистических приемов.

Прежде всего, следует сказать, что преимущественное большинство исследователей не отрицает, возможности наличия эмосемы в составе значения слов и фразеологизмов. Эмоциональная сема выражает

конкретное чувство говорящего от восприятия предмета номинации. Это может быть чувство симпатии, любования, восхищения или, наоборот, пренебрежения, презрения, отвращения. Наличие в составе микрокомпонентов значения слов и фразеологизмов эмосемы окрашивает экспрессивность этих единиц различными эмотивными оттенками, т.е. на экспрессивность наслаивается эмоциональность. Однако эти категории принадлежат все же к разным аспектам значения: экспрессивность – к денотации, а эмотивность – к коннотации.

Эмоциональные семы в значении слов и фразеологических оборотов теснейшим образом связаны с оценочными семами. Порой их весьма сложно различать. В связи с этим зачастую прибегают к их объединенному, дефисному названию типа «эмотивно-оценочный» или «эмоционально-оценочный» компонент значения [Алефиренко 2005: 167].

Коннотация - это тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи [Алефиренко 2005: 169].

Наличие в лингвистике различных толкований коннотации свидетельствуют о многогранности этого понятия, о его многоликости. Все это находит отражение в предполагаемых классификациях коннотации.

Л.А. Сергеева выделяет три типа коннотации – содержательный, или характерологический, экспрессивно-оценочный и нормативный.

1) Характерологическая коннотация содержит информацию о таких свойствах обозначаемых объектов, которые не получают прямого выражения в значении слова и фразеологизма. Дело в том, что такие свойства не являются внешними. Они скрыты от глаз и при первом знакомстве с предметом, как правило, остаются незамеченными. Подобные свойства, обозначаемые предметы обнаруживают лишь в процессе их использования в практике. Поскольку же практика – критерий истины, то

эти свойства предметов обозначения могут считаться вполне объективными и закономерными.

2) Экспрессивно-оценочные коннотации тесно связаны с характерологическими в том случае, когда последние выражают наряду с качественными еще и количественные признаки.

3) Нормативная коннотация отличается сугубо коммуникативной обусловленностью, отражая «правила игры» со знаками в пределах системы языка. Это коннотация функционального стиля: муза, десница, пенаты; нерукотворный, златокудрый; влачить, ниспослать и др., «поэтизмы» книжного употребления: добрый молодец, кручина, лебедушка и др., слова народно-поэтического речетворчества; коннотация эmfемизма,; коннотация контекста.

Произведенная таким образом классификация коннотации позволила Л.А. Сергеевой заключить, что выбор того или иного способа знакообозначения обуславливается 1) или специфическими особенностями самого предмета номинации, 2) коммуникативными задачами речи, или 3) структурными особенностями самого языка речи [Цит. по Алефиренко 2005: 173] .

Коннотативный аспект значения определяется как передаваемая словом, дополнительная по отношению к вещественному содержанию слова, информация об отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению. Коннотация может быть кратко определена как эмоционально-оценочный компонент лексического значения [Кодухов 1979: 203]. Коннотативный аспект лексического значения включает в себя несколько составляющих, к числу которых можно отнести эмотивность, оценочность и интенсивность.

Эмотивность, как компонент коннотации, представляет собой закрепленную в значении информацию об эмоциональном отношении к обозначаемому предмету или явлению. Эмотивность тесно связана с оценочностью и интенсивностью.

Под оценочностью понимают компонент коннотации, закрепляющий в значении слова информацию об одобрительном или неодобрительном (положительном или отрицательном) отношении к обозначаемому предмету или явлению [Беляевская 1987: 46]. Принято различать два типа оценочности: интеллектуальную (или логическую) и эмоциональную. Интеллектуальная оценка является частью денотации, она входит в предмет обозначения и, таким образом, считается частью денотативного аспекта лексического значения. Эмоциональная оценка также выражает отношение говорящего к предмету, однако здесь отнесение к шкале «хорошо – плохо» основывается не на общелогических критериях, а на тех эмоциях, которые называет обозначаемый предмет, процесс или явление.

Коннотативное значение представляет собой оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент значения лексической единицы, выражаемый обычно с помощью стилистически окрашенных слов. Выбор стилистически маркированного слова служит выражением того или иного закреплённого в языке оценочного отношения говорящих к обозначаемым фактам; последнее же оказывает соответствующее интеллектуально-эмоциональное воздействие на тех, кто воспринимает речь [СРЯ 1989: 177].

Глава II. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И.А. БУНИНА

§1. Особенности лексического состава текстов рассказов И.А. Бунина

Языковое выражение «мира эмоций» в повествовательном тексте И.А. Бунина, до сих пор не было объектом специального изучения. Несмотря на большое количество работ о И.А. Бунине, язык его

произведений изучен недостаточно. Некоторые аспекты его языка и стиля вообще никогда не исследовались. Восполнение обозначенного пробела - необходимый этап в изучении не только творчества И.А. Бунина, но и собственно лингвистического аспекта его манеры повествования.

Анализ эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях И.А. Бунина основывается на выявлении семантической и функциональной специфики как лексикона произведений, так и на выявлении общей художественной идеи текста, т.е. того обобщающего эмоционального смысла, который лежит в основе произведения и основой которого является авторская точка зрения по отношению к описываемой действительности. В процессе анализа рассматривается лексический уровень текста.

В теоретической части нами отмечено, что в русском языке имеется немалый фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной лексикой. Оттенки этой окраски чрезвычайно многообразны и обусловлены тем или иным отношением к называемому явлению.

Изучив теоретическую основу вопроса, мы проанализировали лексику И.А. Бунина с точки зрения её коннотативного значения в контексте. На основе нашего исследования можно сделать вывод о том, что лексическая коннотация вырабатывается в том случае, когда к основному значению прикрепляется дополнительное значение слова, появляющееся в том или ином контексте. Восприятие и передача коннотативной информации требуют эмоционально-оценочного отношения к речи, включающего оценку своей и чужой речи с точки зрения её «воздейственности». Эта способность содержит наряду с прагматическим и эстетическим этический компонент, необходимый в реальном общении. Текст создается для других людей, поэтому в его построении должны быть учтены индивидуальные особенности адресата, его эмоциональное состояние в момент общения. Для этого необходимо внимательное отношение к речи собеседника, так как переживаемые

человеком состояния, его намерения передаются главным образом через речь и преимущественно с помощью коннотативных средств языка. Эмоциональность и оценочность могут занимать различное положение в структуре лексического значения слова: входить в его понятийное смысловое ядро – и в этом случае мы имеем дело со словами, обозначающими эмоции и оценки (например, *любовь, хороший / ненависть, плохой*), или представлять «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 27]. А непредсказуемость и неоднозначность коннотаций в средствах её проявления делают необходимой их фиксацию в словаре, стремящемся к полноте описания связанной со словом информации.

1.1. Лексика с коннотативным значением в текстах И.А. Бунина

В произведениях И.А.Бунина мы находим большое количество слов, имеющих коннотативное значение. Рассматриваемые единицы могут иметь как языковую коннотацию, так и контекстуальную.

В текстах произведений И.А. Бунина коннотативная лексика встречается в значительном количестве. Здесь представлены слова разных частей речи с семантикой оценочности и эмоциональности, например: *постыдно, мальчишка, красавец, гречонок, девица, взыскать, любовь, радость, счастье, дурочка, баба, всевышний, позор, чудовищный, идол, прогореть, мерзавец, злословить, шлаться, потешаться, бессердечность благословенный* и др.

- *Постыдно. Тоже был мальчишка, красавец гречонок, чрезвычайно богатый. И в месяце, два не осталось и следа от чистой, трогательной девочки, которая просто молилась на белую армию, на всех нас («В Париже»).*

В данном контексте мы выделяем несколько слов, несущих в себе различные экспрессивные оттенки.

Постыдно – наречие к постыдный «такой, которого следует стыдиться; позорный» [Ожегов 1999: 571].. Толковый словарь не указывает на эмоционально-экспрессивную окраску слова, однако мы можем отметить, что в семантике самого слова заложено оценочное значение, которое и выражает коннотацию без развернутого контекста.

Эту же оценочность мы наблюдаем и у однокоренного прилагательного *постыдный*: *Мне уж как-то расхотелось вспоминать всю эту действительно печальную и **постыдную** историю («Мечь»).*

Коннотативным значением обладают и существительные в приведенном выше фрагменте текста: *Тот же был **мальчишка**, **красавец** **гречонок**, **чрезвычайно богатый** («В Париже»).*

Мальчишка (пренебр.) в значении о молодом и неопытном мужчине, также вообще о мальчиках [Ожегов 1999: 341]. Данное слово приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок пренебрежительно-оценочного характера при помощи аффикса *-ишк-*.

Красавец – 1. Ребенок мужского пола; 2. О ком-чем-н. очень красивом. Слово имеет уменьшительную форму *красавчик* [Ожегов 1999: 303]. Употреблено с помощью данного слова создают образ красивого мужчины, который никак не сочетается со следующим за ним номинантом *гречонок*, с его помощью в языке называют невзрослых людей. Каждое из используемых слов представляет определенную эмоциональную характеристику, на наш взгляд, положительную. Сочетание же данных лексем *красавец гречонок* создает уничижительную оценку.

*Старуха, тугая на ухо, поспешно ответила крикливым голосом: кузнец есть, работник спит на скотном дворе рядом с домом, но она сейчас его разбудит и отпустит корму для лошади, что же до кушанья, то пусть гость **не взыщет!** («Ночлег»)*

Глагол **взыскать** имеет несколько значений в словаре: 1. Заставить уплатить. 2. Подвергнуть наказанию, привлечь к ответственности кого-нибудь [Ожегов 1999: 81]. В данном контексте этим словом выражают просьбу быть снисходительным, не осуждать, не обижаться. Но выражена эта просьба словом, имеющим в семантике оттенок возвышенности, значительности. В контексте данная лексема противоречит по семантико-стилистическим свойствам всем остальным словам, что придает данной ситуации разговорный, даже в какой-то степени иронический характер.

- *И, конечно, скучающая дачная **девица**, которую ты катал по этому болоту («Руся»).*

В словаре русского языка слово **девица** употребляется в значении «лицо женского пола в юном возрасте (устар.)»; имеет оттенок пренебрежения. Слово используется в отдельных выражениях и в народной словесности, обычно в ласковом обращении. Сочетание же *дачная девица* создает оттенок иронии. В тексте это наименование употреблено в отношении застенчивого и забывчивого мужчины.

В других контекстах, мы видим, что слово **девица** приобретает оттенок презрения, говорящий высказывает свое недовольство, показывает неуважение к ней.

- *Ну и что же у вас с этой **девицей** было? Настоящий роман?*

- *Что это ты столько пьешь? Это уже, кажется, пятая рюмка. Все еще грустишь, вспоминаешь свою дачную **девицу** с костлявыми ступнями («Руся»).*

Среди отдельных номинаций эмоций в лирике И.А. Бунина самыми частотными являются *любовь, радость, счастье*.

- *Все проходит, мой друг, - забормотал он. – **Любовь, молодость** – все, все («Темные аллеи»).*

*Горячее солнце было уже сильно, чисто и **радостно** («Кавказ»).*

*Она **радостно** плакала, глядя на них («Кавказ»).*

*Боже мой, какое это было несказанное **счастье!** Это во время ночного пожара я впервые поцеловал твою руку и ты сжала в ответ мою – я тебе никогда не забуду этого тайного согласия («Поздний час»).*

*Это было начало нашей **любви**, время еще ничем не омраченного **счастья**, близости, доверчивости, восторженной нежности, **радости**... («Поздний час»).*

*Она родственно расцеловала его в щеки, он с притворной **радостью** припал к ее мягкой темной руке, быстро подумав: целых три дня врать вот так, а в свободное время не знать, что с собой делать! («Антигона»).*

*Она с **радостным** усилием встретила его взгляд («Визитные карточки»).*

Все три слова в системе языка являются многозначным:

Любовь – 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. 4. Предмет любви. 5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь [Ожегов 1999: 286].

В произведениях И.Бунина мы чаще всего отмечаем второе значение – «чувство, имеющее начало и финал».

Радость 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство [Ожегов 1999: 640].

В текстах И.Бунина радость – это чувство душевного удовлетворения.

Счастье 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. 2. Успех, удача [Ожегов 1999: 783].

В своих рассказах И.А. Бунин *счастьем* называет так же чувство.

Три слова, передающие разные оттенки состояния души человека, дифференцируются, и дополняют друг друга, выражая эмоционально-

экспрессивное состояние. На наш взгляд, рассматриваемые лексемы содержат коннотативное значение независимо от контекста.

*Дькон, дьячница, сам батюшка и весь его дом, вся семья лавочника и урядник с женой, все знали, от кого этот мальчик, и семинарист, приезжая на каникулы, видеть не мог его от злобного стыда за свое прошлое: жил с **дурочкой!** («Дурочка»).*

Дурочка в словаре Ожегова имеет три значения: 1. Глупая женщина (обычно бран.); 2. Ласково о том, кто ошибся, сделал что-нибудь не так; 3. Слабоумный человек [Ожегов 1999: 182].

Бунин употребляет слово *дурочка* в значении «слабоумный человек», придавая тексту презрительный оттенок. Однако в самом слове это уничижительное значение сглажено за счет уменьшительно-ласкательного суффикса, поэтому в контексте отражено скорее разочарование, чем презрение.

***Баба** – ума палата! И все говорят, богатеет. Деньги в рост дает* («Темные аллеи»).

Баба в толковом словаре русского языка отмечается шутливый и пренебрежительный оттенком в семантике данной лексемы [Ожегов 1999: 33]. Однако в контекстах Бунина присутствует определенная двусмысленность при восприятии данного номинанта: шутливость, на наш взгляд, в представленном примере ушла на второй план, а в характеристике появилось восхищение.

Часто значительность контекста создается исключительно за счет коннотативности значения используемой лексемы, например, в цитате из Псалома:

*- Живущий под покровом **Всевышнего** под сенью **Всемогущего** покоиться* («Дурочка»).

Всевышний. У верующих торжественное наименование Бога [Ожегов 1999: 104]. **Всемогущий** (высок.). Обладающий неограниченной силой, могуществом [Ожегов 1999: 104].

*А вот за то, что это все-таки благодаря ему я так низко пала, жила этой мошеннической жизнью, а главное, за тот ужас, **позор**, который я пережила в этот вечер в казино, когда он сбежал из клозета!*
(«Месть»)

Позор – 1. Бесчестье, постыдное, унижительное положение; 2. На чью-нибудь голову (позорно, очень стыдно). Переносное значение заклеить, предать позору (высок.) [Ожегов 1999: 548].

*...Церковь желтая, колонная, а в той церкви этот самый **божий** волк: посередь, стало быть, плита чугунная над могилой князя, им зарезанного, а на правом **столпе** - он сам, этот волк, во весь свой рост и склад написанный: сидит в серой шубе на густом хвосту и весь тянется вверх, упирается передними лапами в землю - так и **зарит** в глаза: **ожерелок** седой, остистый, толстый, голова большая, остроухая, клыками **оскаленная**, глаза **ярые**, кровавые, округ же головы **золотое** сияние, как у святых и угодников. Страшно даже вспомнить такое **диво дивное!** До того живой сидит глядит, будто вот-вот на тебя **кинется!***
(«Баллада»)

Слова, выделенные в приведенном фрагменте текста, в лексическом значении содержат коннотативную составляющую.

Божий. Слово в русском языке функционирует в одном значении, обозначая, как и любое прилагательное, признак принадлежности к богу. В то же время толковый словарь отмечает устаревшее значение «созданный богом, принадлежащий ему» [СРЯ 1999, 1: 103]. И в этом устаревшем значении проявляется коннотация положительного характера: все, созданное богом, имеет особое предназначение.

Столп. Рассматриваемая лексема для современного русского языка является функционально маркированной – устаревшей во всех значениях: 1. Устар. То же, что *столб* («Бревно, толстый брус, укрепленные вертикально, стоймя» [СРЯ 1999, 4: 271]). 2. Устар. и архит. Башня или

колонна. 3. перен. чего или какой. Устар., теперь обычно ирон. Крупный, видный деятель [СРЯ 1999, 4: 273].

В рассказе И.А. Бунина «Баллада» словом, на первый взгляд, названа обычная колонна в деревенской церкви, но употребление слова *столп*, отличающегося от синонима *столб* именно коннотативным компонентом, соответствует тому настроению, которое создает рассказчица, повествуя об особом волке, изображенном на колонне.

Зарить (в глаза). Данный глагол не входит в состав литературного языка и не представлен в толковых словарях, однако имеет однокоренное образование, функционирующее в просторечье, *зárиться* «с завистью смотреть на что-либо; страстно желать, стремиться завладеть чем-либо» [СРЯ 1999, 1: 566]. В речи крестьянки глагол *зарить* не только называет действие, но и передает тот особый эффект, который оказывает на людей нарисованный волк.

Ожерелок. Слово не употребляется в современном русском литературном языке. При этом «Словарь русских народных говоров» отмечает присутствие данной лексемы в диалектной лексике в нескольких значениях: 1) меховой воротник; 2) меховой шарф; 3) ошейник; 4) шея [СРНГ 1987, 23: 76-77]. Эпитеты, которые сопровождают слово **ожерелок**: *седой, остистый, толстый*, – свидетельствуют, что в речи героини слово употребляются в значении «меховой воротник». Диалектное слово, помимо номинативной функции, выполняет и коннотативную: указывает на необычность волка.

Оскаленная. Причастная форма глагола *оскалить* вносит в текст некоторый негативный аспект, так как в семантике глагола мы можем определить такие семы, как «резко», «устрашающе», «неприятно».

Ярый. Прилагательное в системе русского языка известно как многозначное слово: 1. Полный ярости, бешенства. Выражающий ярость, бешенство, проникнутый яростью, бешенством. 2. Неукротимый, неистовый (о стихиях, явлениях природы). 3. Чрезмерный, крайний в

своем проявлении, необычайный по силе, интенсивности. 4. Только полн. ф. Страстно преданный чему-либо, упорно придерживающийся чего-либо, увлекающийся чем-либо [СРЯ 1999, 4: 785]. В описании волка эпитет *ярые* (глаза) передает не только состояние ярости, но и необычности того существа, которому принадлежит подобный взгляд.

Слова, имеющие коннотативное значение, помогают И.А. Бунину создать описание эмоционально-экспрессивное, отражающее необычность истории, случившейся со старым князем.

- *Здравствуй, дурочка. Я тоже еду в город, да, вишь, что делается, заехал переждать... А ты, значит, думала, разбойники подъехали?* («Степа»)

Дурочка – (уменьш.) Глупая женщина [СРЯ 1999, 1: 449]. В тексте рассказа подобное обращение свидетельствует не столько о глупости девушки, сколько о той бесцеремонности в обращении к ней мужчины.

Разбойник. Многозначное слово, выполняющее номинативную функцию, в каждом из значений выделяет семы отрицательной характеристики: 1. Тот, кто промышляет разбоем, грабежом || *перен.* Тот, кто причиняет физический и материальный ущерб кому-либо; насильник, угнетатель. 2. *Разг.* Употребляется как бранное слово. 3. *Разг. шутл.* Сорванец, сорвиголова [СРЯ 1999, 3: 585].

Слова *дурочка* и *разбойник* в начале рассказа «Степа» предвещают эмоциональное восприятие ситуации читателем.

С помощью коннотативной лексики автор создает и эмоциональный портрет персонажей. Например, в рассказе «Речной трактир»:

Перед вами заходил сюда поэт Брюсов с какой-то худенькой, маленькой девицей, похожей на бедную курсисточку...

Слова *худенький, маленький*, обладающие оценочным компонентом в семантике, образованы с помощью суффикса *-еньк-*, который, помимо значения уменьшительности, создает эмоциональный эффект в характеристике персонажа: некоторая жалость или соучастие ощущается в

подобных эпитетах. Эпитеты, содержащие оценку, но в морфемной структуре не имеющие подобного суффикса, имеют оценочный компонент без эффекта соучастия, например, в слове *бедный*.

Существительные, выполняя номинативную функцию, в зависимости от суффикса также могут иметь различные коннотативные оттенки. Например:

Девушка. Устар. То же, что *девушка* (в 1 знач.) [СРЯ 1999, 1: 375]. Однако в значении рассматриваемого слова в современной речи просматривается оттенок иронии [Елистратов 2000], что создает отрицательную коннотацию, определяемую и рассматриваемом фрагменте текста.

Курсисточка. Образованное от слова *курсистка* «слушательница высших женских курсов (в дореволюционной России конца 19 и начала 20 вв.)» [СРЯ 1999, 2: 154] существительное также называет слушательницу. Семантика же слова с дополнительным суффиксом *-к-* отличается оттенком пренебрежительности и уничижительности, что несомненно обуславливает развитие коннотации в семантической структуре слова.

Любой художественный текст призван в первую очередь оказывать определенное воздействие на сознание и поведение читателя, и достигается это с помощью эмотивной установки, которую организует автор с помощью языковых средств. Экспрессивность, содействуя цели речевого сообщения, использует логико-предметное значение слова. Например:

В сказочный морозный вечер с сиреневым инеем в садах лихач Касаткин мчал Глебова на высоких, узких санках вниз по Тверской в Лоскутную гостиницу... («Генрих»).

В данном микротексте, который начинается один из рассказов цикла «Темные аллеи», нами выделены слова, значения которых организуют общий эмоционально-экспрессивный настрой зачина истории:

Сказочный. Многозначное слово представлено в толковом словаре в двух значениях: 1. *только полн. ф. Прил. к сказка* (в 1 знач.: «повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных, фантастических сил»). 2. Существующий только в сказке. || Такой, как в сказке; чудесный, необычайный [СРЯ 1999, 4: 102]. В тексте рассказа И.А. Бунина определяется переносное значение у слова – «чудесный, необычный»: именно метафорический перенос усиливает эмотивность значения рассматриваемого прилагательного, закладывая мелиоративную коннотацию.

Лихач. В словаре русского языка данное существительное приводится в двух значениях: 1. Безудержно смелый человек; удалец. || Человек, ради удалства пренебрегающий правилами безопасности езды. 2. *Устар.* Кучер щегольского экипажа, запряженного хорошей резвой лошастью, а также щегольской экипаж с такой лошастью [СРЯ 1999, 2: 189].

Современный читатель, знакомясь с текстом рассказа, будет воспринимать слово *лихач* в первом значении – «удалец, бесшабашный человек», что характерно для современного функционирования слова. Можно предположить, что И.А. Бунин, создававший рассказы в первой половине XX века, называет устаревшим, но для эпохи Бунина актуальным словом *лихачом* кучера, однако в тексте *лихач* управляет высокими, узкими санками, что не соответствует толкованию слова. Следовательно, коннотативное значение свойственно слову *лихач*, но при этом не представляется возможным определить характер эмотивности: мелиоративная или пейоративная, так как в контексте произведения в семантике слова *лихач* определяются и положительные коннотации, обусловленные семами «удалой», «ловкий», «щегольской».

Мчать. У данного глагола в русском языке словарь отмечает два значения: 1. Очень быстро везти или нести. 2. То же, что *мчаться* «передвигаться с большой скоростью; нестись» [СРЯ 1999, 2: 316].

Коннотативное значение слова связано с признаком оценочности обозначаемого действия – «очень».

Такие эмоциональные средства, как слова *сказочный*, *лихач* и *мчаться* задают тон повествованию, оказывая на восприятие читателя.

Эмоционально-экспрессивные средства языка, используемые автором в начале рассказа, могут создать эмоциональный настрой для восприятия всего произведения, как, например, в рассказе «Качели»:

В летний вечер сидел в гостиной, брэнча на фортепьяно, услышал на балконе ее шаги, дико ударил по клавишам и не в лад закричал, запел («Качели»).

Бренчать. Слово представлено в толком словаре русского языка как многозначное: 1. Издавать при ударе звук, подобный легкому звону; звенеть, звякать. || *чем.* Производить, вызывать ударом звук, подобный легкому звону. 2. *на чем.* *Разг.* Неискусно или небрежно играть на каком-либо струнном музыкальном инструменте [СРЯ 1999, 1: 115].

В рассказе И.А. Бунина употребление слова в предложно-падежной конструкции *брэнчать на фортепьяно* указывает на второе значение рассматриваемой лексемы: в семантической структуре определяется сема «небрежно». Именно незначительность действия отражает деепричастие *брэнча* и передает отношение к ситуации и писателя, и главного действующего лица.

Дико. Многозначность слова отмечается толковым словарем русского языка: 1. *Нареч.* к дикий (во всех знач., кроме 2 и 9). 2. *нареч.* С крайним изумлением, испуганно. 3. *в знач. сказ.* О том, что представляется кому-л. странным, нелепым [СРЯ 1999, 1: 399].

В тексте рассказа «Качели» у наречия *дико* определяется значение «очень сильный, переходящий границы нормального». И эта коннотация с эмотивной составляющей «очень» сохраняется и в тональности всего рассказа.

Бунин в своем произведении использует бранную лексику, которая выражает отрицательную оценку называемых понятий и дает характеристику героев.

*Даровитый малый был, но **дубина** порядочная* («Второй кофейник»).

В словаре Евгеньевой слово **дубина** имеет помету бранное и употребляется в значении о бестолковом, тупом человеке [СРЯ 1999, 1: 450].

Писатель использует многозначные слова, нейтральные в основном значении, получающие качественно-эмоциональный оттенок в переносном употреблении:

*Кричит как **орел**: стой, стрелять буду!* («Баллада»)

Орел (перен.). О гордом, смелом человеке [Ожегов 1999: 459].

*Глаза Марьи Ильиничны округлились, как у **змеи**: говоря, она вдруг увидела возле кровати мужские туфли, - студент убежал босиком.* («Антигона»).

Змея (перен.). О том, кто был обласкан, а позднее оказался врагом, предателем [Ожегов 1999: 231].

- Как изволили почивать? – громко и мужественно сказал он на ходу.

*- Отлично! – ответила она неумеренно весело. – Я всегда сплю как **сурок**...* («Визитные карточки»).

Сплю как сурок – крепко, не просыпаясь; разг.

*Это камаргианка, - почему-то очень грустно сказал, проводив ее глазами, мой сосед, измученный ее красотой, мощный, как **бык**, провансалец с черными в кровяных жилках румянцем* («Камарг»)

Бык (перен.). О сильном, большом человеке (прост.) [Ожегов 1992: 65].

Проведенное семантическое наблюдение над собранным лексическим материалом позволило убедиться в том, что эмоционально-экспрессивные коннотации связаны с выражением отношения к предмету,

его оценкой. Языковые средства с эмоционально-экспрессивной окраской разделяются на мелиоративные, выражающие положительное отношение к высказываемому (*беззаветный, счастье, радостно* и др), и пейоративные, выражающие отрицательное отношение (*босяк, злорадствовать, ужас, паскудный, деспот, поганый* и др.).

1.2. Контекстуальная коннотация

Среди выделенных для анализа слов нами были отмечены слова, значение которых не выражает коннотацию. Однако в тексте реализуется оценочность и эмоционально-экспрессивная окраска. Например,

*В летний вечер сидел в гостиной, брэнча на фортепьяно, услышал на балконе ее шаги, дико ударил по клавишам и не в лад **закричал**, запел («Качели»).*

В толковом словаре русского языка отмечается одно значение лексемы **закричать** – «начать кричать» [СРЯ 1999, 1: 533]. Анализ текста рассказа позволяет установить семантику слова, включающую, кроме семы «начать», семы «громко», «эмоционально», «привлекая внимание», «громко петь». Эмоциональная окраска (страстное) отмечается лишь при контекстуальном употреблении: в тексте рассказа И.А. Бунина «Качели» глагол **закричать** характеризует состояние героя, выражает его страсть и нетерпение.

*И в месяц, два не осталось и следа от чистой, трогательной девочки, которая просто **молилась** на белую армию, на всех нас («В Париже»).*

Слово **молилась** в данном контексте приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок. Здесь имеется в виду девушка не просто молилась, как перед иконой, а она преклонялась, трепетно относилась, отдавала всю свою душу.

*Тожже был **мальчишка**, **красавец гречонок**, чрезвычайно богатый («В Париже»).*

Значение слова *гречонок* в толковом словаре русского языка мы не находим, но по контексту мы понимаем, что автор имеет в виду красивого молодого человека греческой национальности. Эмоциональную окрашенность данному слову придает аффикс.

- *И, конечно, скущая дачная девица, которую ты катал по этому болоту («Руся»).*

Дачная имеется в виду девушка, которая снимает дачу на лето, живет летом на даче [Ожегов 1999: 152]. В сочетании со словом *девица* приобретает оттенок презрения.

... *Под конец завтрака Лиля, когда подали вместо ее любимых хворостиков вишневый кисель, стала пронзительно кричать на Гурия, стуча кулачками по столу, сошвырнула на пол тарелку, затрясла головой, захлебнулась от злых рыданий. («Ворон»).*

Захлебнуться. Данный глагол в русском языке известен в нескольких значениях: 1. Задохнуться или поперхнуться от попадания в дыхательное горло жидкости, дыма и т. п. 2. Испытать затруднение в дыхании, стеснение в груди от какого-л. сильного чувства. 3. *перен.* Прекратиться, получив отпор (об атаке, наступлении и т. п.). 4. Перестать действовать, заглохнуть (о моторе, автомате и т. п.) [СРЯ 1999, 1: 591].

В тексте рассказа глагол *захлебнуться* выступает в значении «испытать затруднения в дыхании, задохнуться», при этом в семантике рассматриваемого слово выделяются семы «перестать кричать», «испытать сильное потрясение», «быть в очень возбужденном состоянии», развитие которых обусловлено контекстом.

«Все пропало, я уезжаю. Старуха увидела возле кровати ваши туфли» («Антигона»).

Старуха – женщина, достигшая старости. Слово имеет уменьшительно-ласкательную форму *старушка*, уничижительную *старушонка* и разговорно-шутливую *старушенция* [Ожегов 1999: 763]. Из контекста, мы отмечаем, что речь идет о женщине пожилого возраста.

*Вы не **девочка**, должны были видеть, кто он и в какое положение вы попали* («Темные аллеи»).

Слово **девочка** употреблено в значении о молодой и неопытной женщине, несет в себе пренебрежительный экспрессивный оттенок [Ожегов 1999: 156]. Здесь речь идет о поступке взрослой женщины, допустившей ошибку в принятии правильного решения.

В материале нашего исследования, мы находим слова с ласкательным оттенком.

*Зимой гостила иногда в усадьбе странница **Машенька, седенькая, сухенькая** и **дробная**, как **девочка*** («Баллада»). Эти слова передают различные оттенки чувств с помощью суффиксов субъективной оценки. В данном контексте выражены положительные эмоции.

*Скверно, он все сразу поймет – такой **сухенький** и **быстрый старичок** в **серенькой** поддевочке, борода **белоснежная**, а густые брови еще совсем черные, взгляд необыкновенно живой, говорит, когда пьян без умолку, а все видит насквозь* (« Степа»).

Белоснежная указывает на какой-то исключительный признак.

Старик имеет в словаре пять основных значений: 1. Мужчина, достигший старости; 2. Старые люди, а также вообще люди старших поколений; 3. Состарившиеся родители, родственники (разг.); 4. Опытный, знающий дело человек по отношению к новичкам (разг.); 5. Дружеское обращение к приятелю. Слово имеет уменьшительно-ласкательный оттенок **старичок** и уничижительный **старикашка**. Старичок употребляется в ласкательной, разговорной и шутливой формах [Ожегов 1999: 762].

Контекстуальная коннотация формируется в значении слова в результате метафорического переноса. Рассмотрим несколько примеров.

- *Вы дочитали "Огненного ангела"?*

- *Досмотрела. До того высокопарно, что совестно читать.*

- *А отчего вы вчера вдруг ушли с концерта Шаляпина?*

- Не в меру разудал был. И потом *желтоволосую* Русь я вообще не люблю («Чистый понедельник»).

Досмотреть. Данное слово в толковом словаре русского языка представлено как многозначное: 1. Просмотреть до конца, до какого-либо предела. 2. *также за кем-чем и без доп.* Последить за кем-, чем-либо, ухаживая, заботясь и т.д. (*разг.*) || (*обычно с отрицанием*). Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., заметить, усмотреть. 3. *Спец.* Произвести досмотр (во 2 знач.) [СРЯ 1999, 1: 435]. Однако в тексте рассказа «Чистый понедельник» в семантике слова *досмотреть* мы выделяем семы «небрежно», «мельком», «через строчку», «по диагонали», которые выражают негативную характеристику и формируют пейоративную коннотацию.

Желтоволосый. Рассматриваемое прилагательное, образованное от словосочетания желтые волосы, указывает на признак внешности человека. Однако в контексте рассказа «Чистый понедельник» у рассматриваемого слова, употребленного в метафорическом значении «имеющий отношение к народной русской культуре», определяется коннотация, выражающая презрительно-пренебрежительное отношение к явлению, охарактеризованному с помощью данного слова.

Метафорический перенос может не только формировать оценочную характеристику в семантике слова, но и передавать оттенки эмоционального состояния человека. Например:

И в тесноте, в толпе, среди тревожного, то жалостливого, то радостного говора отовсюду сбежавшегося простонародья, я слышал запах твоих девичьих волос, шеи, холстинкового платья («Поздний час»).

У глагола *слышать* толковым словарем русского языка определены несколько значений: 1. *также с придаточным дополнительным и без доп.* Различать, воспринимать слухом (издаваемые, производимые кем-, чем-л. звуки). | О восприятии речи, ее содержания. 2. (*сов. нет*) *без доп.* Обладать слухом (в 1 знач.). 3. *также о ком-чем, про кого-что* или *с придаточным*

дополнительным. Иметь какие-л. сведения, знать (по разговорам, слухам и т. п.). 4. *также с придаточным дополнительным*. Разг. Распознавать путем ощущения; ощущать. *Слышать запах*. || *перен.* Чувствовать, ощущать, замечать. 5. *Разг.* Распознавать чутьем (о животных); чують [СРЯ 1999, 4: 146-147].

В тексте рассказа И.А. Бунина глагол *слышать* представлен в значении «ощущать, чувствовать»: такое расширение семантики слова связано с тем, что действие, обозначаемое данным глаголом, ассоциируется с очень деликатным отношением к предмету внимания.

Еще один пример развития коннотативного значения, сформированного в результате метафорического переноса, мы находим в тексте рассказа «Зойка и Валерия»:

Так что будьте осторожны, дамы и девицы, он турок и вовсе не такой скромник, как вы думаете. Да и влюбчив он, как вам известно, по-турецки. Чей теперь черед, коллега? Кто теперь дама вашего щирого сердца? («Зойка и Валерия»)

Наречие *по-турецки*, образованное от относительного прилагательного, обозначает качество, связанное с турками. У прилагательного *турецкий*, являющегося производной базой для образования рассматриваемого наречия, в современном русском языке известно переносное значение «непонятное, восточное, нерусское». В контексте рассказа И.А. Бунина в семантике наречия мы наблюдаем проявление экспрессивной оценки: *по-турецки*, значит, «страстно», «в бóльшем количестве», «уделяя внимание многим». Такое развитие семантики слова обусловлено признаком, на котором основана вся семантическая структура лексического значения слова *по-турецки*: иной, не такой, как все русские.

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что значение слова – это сложное единство разных по своему содержанию и объему

структурных элементов, основным, базовым из которых для семантики языковой единицы является микрокомпонент значения – сема.

1.3. Аффиксальные средства выражения коннотативного значения в цикле рассказов «Темные аллеи»

В текстах произведений И.Бунина употребляются слова, эмоционально-экспрессивная характеристика которых связана с их морфемным составом. Например:

*Зимой гостила иногда в усадьбе странница Машенька, **седенькая, сухенькая** и **дробная**, как девочка («Баллада»).*

Прилагательные **сухенький** и **седенький** имеют оценочные значения, обусловленные уменьшительно-ласкательными суффиксами. Используя подобные эпитеты, автор не только рисует портрет странницы, но и создает образ беззащитного и милого человека.

В цикле рассказов «Темные аллеи» выделяется целый ряд подобных лексем, к которым средством выражения коннотации является суффикс: *брюшко, головка, серпик, ручка, головка* и др.

*Мне пришло это в голову, когда я был еще мальчиком: увидел однажды в «Ниве» картинку, какую-то скалу и на ней Наполеона с его белым **брюшком** и лосинами, в черных коротких сапожках, и вдруг засмеялся от радости, вспомнив картинки в «Полярных путешествиях» Богданова, - так похож показалось мне Наполеон на пингвина, - а потом грустно подумал: а папа похож на ворона... («Ворон»).*

Брюшко 1. Толстеющий живот у мужчины (разг.). Слово может иметь неодобрительную оценку в значении очень толстый *брюхо отрастил*. В переносном имеет значение *угодничать, унижаться* – презрительное значение. В данном контексте слово имеет неодобрительную оценку, насмешку.

Но уж до чего была пуглива, как робела при отце за нашими чинными обедами, каждую минуту с тревогой следя за черноглазой, тоже

молчаливой, но резкой не только в каждом своем движении, но даже и в молчаливости Лилей, будто постоянно ждавшей чего-то и все как-то вызывающе вертевшей своей черной **головкой!** («Ворон»).

Головкой имеет ласкательное значение, подчеркивает детскость, изящество.

Слово *голова* в словаре Ожегова имеет пять значений: 1. Часть тела человека или животного. 2. Черепная коробка. 3. Ум, рассудок. 4. Человек как носитель каких-нибудь идей, взглядов, способностей, свойств. 5. Руководитель, начальник. *Головка* имеет в словаре помету уменьшительное, *головушка* ласкательное. В разговорной речи приобретает иронический оттенок *По головке не погладят за что-нибудь* в значении не похвалят осудят или накажут [Ожегов 1999: 135].

- *Ау! А вон первая звезда и молодой месяц и небо над озером зеленое, зеленое – живописец, посмотрите, какой тонкий **серпик!*** («Качели»)

Серпик в переносном значении обозначает предмет, своими очертаниями напоминающий маленький зазубренный нож.

- *Сама истина глаголет ее устами, **Киса*** («Смарагд»).

Киса (разг. ласк.). То же, что кошка, киска. Слово имеет уменьшительно-ласкательную форму *кисонька* [Ожегов 1999: 274].

В рассказе «Поздний час», описывая прощание с усопшим человеком, автор сравнивает проводы в «город мертвых» в Париже и русском провинциальном городке. И повествование о русской традиции начинается следующими словами:

*Тут все другое. Дует с полей по Монастырской **ветерок...*** («Поздний час»).

Словом с уменьшительно-ласкательным суффиксом *ветерок* писатель создает ощущение замиранья природы в этот трагический час: даже ветер не нарушает всеобщего траура.

Суффиксальные образования в контексте произведения часто становятся образом, выражающим основную мысль произведения. Так, в

небольшом рассказе «Красавица» Бунин как будто делает зарисовки отношений, которые складываются в семье вдовца, женившегося повторно на молоденькой красавице, которая «возненавидела» семилетнего мальчика, сына от первого брака:

*Это безобразие, он весь бархат на диване изотрет. Стелите ему, Настя, на полу, на том **тюфячке**, который я велела вам спрятать в большой сундук покойной барыни в коридоре.*

*И мальчик, в своем круглом одиночестве на всем свете, зажил совершенно самостоятельной, совершенно обособленной от всего дома жизнью, - неслышной, незаметной, одинаковой изо дня в день: смиренно сидит себе в **уголке** гостиной, рисует на грифельной доске **домики** или шепотом читает по складам все одну и ту же **книжечку** с картинками, купленную еще при покойной маме, смотрит в окна... Спит он на полу между диваном и кадкой с пальмой. Он сам стелет себе **постельку** вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное **добришко** его («Красавица»).*

Суффиксальные образования, называющие предметы, с которыми связана жизнь ненужного ребенка: *тюфячок, уголок, домик, книжечка*, – с одной стороны визуализируют этот образ маленького, практически не занимающего места ни в чьей жизни ребенка. С другой стороны эти эмоционально-экспрессивные средства уничижительно характеризуют ту, которая стала причиной несчастного существования мальчика: именно поэтому, психологический портрет красавицы ассоциируется не с душой, а с душонкой.

На основе приведенных примеров мы можем сделать вывод о том, что Иван Алексеевич Бунин использует большое количество эмоционально-экспрессивной лексики. В контекстах произведения она имеет различные оттенки. Мы выделили слова, имеющие как

положительную, так и отрицательную оценку и классифицировали ее на группы.

§2. Работа с изобразительно-выразительными средствами лексики на уроках русского языка

Уроки русского языка открывают возможности для развития у обучающихся креативных способностей, среди которых особое место занимает создание художественных текстов. Стратегическим принципом развивающего обучения русскому языку является принцип развития творческих лингвистических способностей, вытекающий из объективной закономерности усвоения родного языка, отмеченной ещё А.А. Потебней: «...язык есть средство не выразить готовую мысль, а создавать её» [Потебня 1989: 150]. Развитие творческой активности учащихся напрямую связано с сознательным овладением богатством родного языка. В процессе знакомства учеников с художественными текстами и развития речи происходит освоение тех средств языка, которые, обладая коннотативным значением, выполняют в создаваемых текстах изобразительно-выразительную функцию.

Изобразительные средства языка, обладающие эмоционально-экспрессивными качествами, не только оживляют речь и совершенствуют словарь детей, но и развивают мышление, формируют эстетическое восприятие. Работа над изобразительными средствами языка художественных произведений И.А. Бунина даёт многочисленные примеры, образцы, позволяющие знакомить учащихся со стилистическими возможностями русского языка.

Рассмотрим некоторые задания, направленные на работу с текстами И.А. Бунина, которые были использованы в разработке и проведении урока русского языка в 9 классе (см. Приложение).

Работа с эпитетами. Эпитетом называют художественное определение, дающее яркое, образное представление о сущности предмета

или явления, а также об оценке их автором. В тексте рассказа «Первая любовь» мы встречаем эпитеты и в 1, и во 2 части.

Так, эпитеты в 1-ой части *притихший дом, свежий дождь, покорно никнут, тревожно торчит и т.д.* помогают автору ярко, образно нарисовать картину дождя. При этом для каждого из эпитетов характерна эмоциональная семантика, содержащая положительную коннотацию.

Эпитеты и метафоры во 2-ой части рассказа (*дороги влажны, бор душист, дивно отдаётся, бор величаво-громаден; бор стоит темно, тесно, мхи, лишай образуют некую русскую древность, радуется юная сосновая поросль*) позволяют читателю представить величие бора, его вечную, незыблемую красоту и передать авторский замысел: бор вечен, так как рядом с дебрями, корявыми мачтами юная поросль, которую охраняют старые деревья. Природа вечна.

Для работы с изобразительно-выразительными средствами языка можно использовать текст любого из рассказов цикла «Темные аллеи», например, рассказа «Поздний час», фрагмент которого был подготовлен для аналитической работы:

«Мост был такой знакомый, прежний, точно я его видел вчера: грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший от времени до вечной несокрушимости, — гимназистом я думал, что он был еще при Батые. Однако о древности города говорят только кое-какие следы городских стен на обрыве под собором да этот мост. Все прочее старо, провинциально, не более. Одно было странно, одно указывало, что все-таки кое-что изменилось на свете с тех пор, когда я был мальчиком, юношей: прежде река была не судоходная, а теперь ее, верно, углубили, расчистили; месяц был слева от меня, довольно далеко над рекой, и в его зыбком свете и в мерцающем, дрожащем блеске воды белел колесный пароход, который казался пустым, — так молчалив он был, — хотя все его иллюминаторы были освещены, похожи на неподвижные золотые глаза и все отражались в воде струистыми

золотыми столбами: пароход точно на них и стоял. Это было и в Ярославле, и в Суэцком канале, и на Ниле. В Париже ночи сырые, темные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее и красное — русские национальные флаги. Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный. А впереди, на взгорье, темнеет садами город, над садами торчит пожарная каланча» (Бунин).

Среди изобразительных средств языка наиболее интересными нам представляются тропы – это поэтический оборот, слова или выражения, употребленные в переносном смысле. Напоминая учащимся, что троп дает возможность кратко, но ясно охарактеризовать предмет, явление, мы находим примеры разных видов тропов и можем перейти к характеристике эмоциональной составляющей данных средств выразительности.

Метафорические выражения И.А. Бунина *иллюминаторы похожи на неподвижные золотые глаза; Сена течет черной смолой; струистые столбы отражений от фонарей на мостах* построены на сходстве одного явления другому. Яркая поэтическая картина дополняется тем трепетным чувством, которое возникает у человека во время ночной прогулки – некоторое смятение и таинственность образов отличают эмоциональное состояние автора. При этом эмоциональностью обладают и те слова, с помощью которых построена метафора. Так, у слова *смола* коннотация определяется лишь в переносном значении [СРЯ 1999, 4: 156], однако в контексте рассматриваемого художественного произведения метафоричные выражения способствуют созданию художественного образа ночного пейзажа.

Работа над изобразительными средствами языка воспитывает внимание к слову, чуткость, понимание оттенков его значения, его скрытого, иносказательного смысла, его эмоциональных окрасок.

Школьник приобщается, таким образом, к стилистике художественной речи, сам овладевает ее средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив теоретическую основу вопроса, мы проанализировали лексику в произведениях И.А. Бунина с точки зрения её коннотативного значения в контексте. Действительно, лексическое значение слова определяется не только его предметной и понятийной отнесённостью, но и наличием в языке лексем сходной предметной и понятийной отнесённости. А коннотативное значение как тип лексической информации сопутствует значению слова с определённой эмоционально-экспрессивной оценкой. Следовательно, восприятие и передача коннотативной информации требуют эмоционально-оценочного отношения к речи, включающего оценку своей и чужой речи с точки зрения её «воздейственности». Эта способность содержит наряду с прагматическим и эстетическим этический компонент, необходимый в реальном общении.

Исследование показало, что в большинстве случаев для передачи определенного эмоционального состояния И.А. Бунин использует целый комплекс приемов со словами экспрессивно-оценочной направленности, неразрывно связанных между собой, особенно при передаче эмоционального содержания контекста. В этом случае семантические и контекстуальные аспекты слов эмоционально-оценочной направленности тесно переплетены. Нет наименований эмоций, которые не позволили бы автору образно, объемно, точно передавать переживаемые героями чувства.

Количественный и качественный анализ языковых средств выражения эмоций, использованных в собрании сочинений И.А. Бунина

«Темные аллеи», дает лингвистическое обоснование мнению литературоведов, определяющих основной эмоциональный тон повествования художника как неразрывное сочетание любования и наслаждения с грустью и печалью.

Изучив теоретическую основу вопроса, мы проанализировали лексику И.А. Бунина с точки зрения её коннотативного значения в контексте. Мы можем сделать вывод, что лексическая коннотация вырабатывается в том случае, когда к основному значению прикрепляется дополнительное значение слова, появляющееся в том или ином контексте. Восприятие и передача коннотативной информации требуют эмоционально-оценочного отношения к речи, включающего оценку своей и чужой речи. Эта способность содержит наряду с прагматическим и эстетическим этический компонент, необходимый в реальном общении. В тексте, который создается для других людей, учитываются индивидуальные особенности адресата, его эмоциональное состояние в момент общения. Такая эмоциональная направленность, обусловленная не только внимательным отношением к речи собеседника, но и переживаниями человека, его намерениями, формируется речевым воздействием и преимущественно с помощью коннотативных средств языка. Эмоциональность и оценочность, занимая различное положение в структуре лексического значения слова, входят в его понятийное смысловое ядро: в этом случае мы имеем дело со словами, обозначающими эмоции и оценки (например, *любовь, хороший / ненависть, плохой*). Коннотативное значение может представлять «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 27]. Непредсказуемость и неоднозначность коннотаций в средствах её проявления делают необходимой их фиксацию в словаре, стремящемся к полноте описания связанной со словом информации.

В ходе нашего исследования был собран языковой материал для анализа в виде 132 карточек с лексикой, имеющей эмоционально-экспрессивное значение; произведен лексический анализ слов с коннотативным значением, в результате чего определены наиболее типичные для автора способы выражения эмоционально-экспрессивного значения.

И.А. Бунин использует эмоционально-экспрессивную лексику, которая тесно связана с контекстом. На основе классификации Д.Н. Шмелева мы можем выделить в проанализированных произведениях И. А. Бунина следующие лексические единицы.

- 1) Слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения (*девица, мальчишка, красавец, старуха, гадюка, босяк, морды, поганого, мерзавцы, деспот, мордой, прогорел, брешут, жулики, шлялось* и др.)
- 2) Слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств (*гречонок, дурочкой, сухенький, серенькой, брюшком, головкой, ручкой, старичок, окошечко, книжонка, дворничко, свечечка, шубенку, лампадки, лежаночке* и др.)
- 3) Слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обобщаемых ими явлений (*пламенный, беззаветный, любовь, торжествующие, позорила, преступников, ужас, чудовищной, грузности, идола, восхищались, злословили* и др.).

В результате анализа мы можем отметить, что в текстах И.А. Бунина доминирует наличие контекстуальных языковых средств выражения экспрессивности, нежели лексики с коннотативным значением. Используя в лексике такого рода слова, Иван Алексеевич вызывает у читателя противоположные чувства: от смеха и иронии, жалости и сочувствия до полного неприятия и непонимания, – поэтому от читателя требуется деятельное, подвижное воображение, чтобы

максимально воспринять всю непрерывную изменчивость
художественного мира И.А. Бунина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Список научных трудов:

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики [Текст]/ Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. 2-е изд. [Текст]/ Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры. – Т. 1. – 1995. – 159 с.
3. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного произведения [Текст] / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2000. – 194 с.
4. Белоусова, Е.Г. «... Чувствовать, любить, ненавидеть...» (О поэтике «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина) [Текст]/ Е.Г. Белоусова // Русская речь. – 2007. – №1. – С.30-37.
5. Беляевская, Е.Г. Семантика слова [Текст]/ Е.Г. Беляевская. – М.: Высш. шк., 1987. – 128 с.
6. Белякова, С.М. Человек и животное в прозе И.А. Бунина [Текст]/ С.М. Белякова // Русская речь. – 2007. – №4. – С. 9-12.
7. Бирюкова, Т.Г. Коннотативный компонент анализа текста в школе [Текст]/ Т.Г. Бирюкова // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 3. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – С. 25–32.
8. Богданова, О.В. О сущности любви: рассказ И.А. Бунина «Темные аллеи» [Текст] / О.В. Богданова // Интеграция наук. - 2017. - № 1(5). - С. 5-9.
9. Бресток, С.В. Взаимосвязь иронии, оценки и эмоции в идиостиле Н. Тэффи [Текст]/ С.В. Бресток // Русский язык в школе. – 2008. – №1. – С.59-62.
10. Бунин, И.А. Темные аллеи [Электронный ресурс]/ И.А. Бунин // сайт «Иван Алексеевич Бунин» – Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/rasskaz/temnye-allei/index.htm>

11. Вахитова, Г. В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста: автореферат на соискание ученой степени кандидата филол. наук. [Электронный ресурс] - Уфа – 2007. – Режим доступа: <http://www.lib.uar.ru.net/diss/cont/91812.html>.
12. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания – 1953. - №5. С.35-37. – Режим доступа: [http:// www.lingva.ru](http://www.lingva.ru)
13. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы [Текст]/ Г.О. Винокур – М.: Высшая школа, 1991. – 170 с.
14. Воеводина, Г.А. Функциональная специфика оценочной лексики (на материале дневниковых записей «Окаянные дни» И.А. Бунина) [Текст] / Г.А. Воеводина// Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Сб. научных трудов – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. - С. 361-365.
15. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
16. Ежова, Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст]/ Н.Ф. Ежова // Вестник Воронежского государственного университета, Серия «Гуманитарные науки», 2003, №2. – С.10-21.
17. Емельянова, О.Н. Эмоционально-экспрессивная характеристика лексики в толковых словарях современного русского языка [Электронный ресурс]/ О.Н. Емельянова// Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences №2. – 2009. – С.49- 57. – Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/>
18. Ерошенко, А.Р. Стилистические особенности образа читателя в художественном тексте [Текст] / А.Р. Ерошенко// Русская литература в

- судьбах отечественной культуры: Материалы Международная научно-практическая конференция – 2015. – С. 166-170.
19. Замараева, Е.В. Глаголы эмоционального состояния в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита в аспекте перевода [Текст]/ Е.В. Замараева// Вестник Воронежского Государственного университета Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2009, №2. – С. 137-140.
20. Зорина, Л.Ю. Процессы символизации слов в волгоградских народных благопожеланиях [Текст]/ Л.Ю. Зорина // Русское народное слово в языке и речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции – Арзамас-Саратов, 2009. – С. 148-155.
21. Исакова, А.Г. Интралингвистические и экстралингвистические характеристики лексики экспрессивно-эмоциональной окрашенности [Электронный ресурс]/ А.Г.Исакова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. –№4 (138). –2012. – С.92- 96. – Режим доступа: <http://philart.kaznu.kz>
22. Кодухов, В.И. Введение в языкознание [Текст]/ В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
23. Колобаева, Л. А. Проза И. А. Бунина [Текст] / Л.А. Колобаева – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 88с.
24. Костомарова, В. Г. Современный русский язык [Текст]/ В.Г. Костомарова, В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2003.- 558с.
25. Красавский, Н. А. Образы эмоций в русской языковой картине мира [Текст]/ Н.А. Красавский// Русский язык в школе. – 2002. – №2. – С.90-94.
26. Крысин, Л.П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология [Текст]/ Л.П. Крысин – М.: Академия, 2007. – 240с.
27. Курносова, И. М. «Петухи опевают ночь» (Об одной фразе из рассказа И. А. Бунина) [Текст]/ И.М. Курносова // Русский язык в школе. –

2008. – №9. – С.63-65.
28. Лекант, П. А. Рациональный и эмоциональный аспекты русского предложения [Текст]/ П.А. Лекант// Русский язык в школе.– 2004.– №4. – С.75-78.
29. Лекант, П. А. Современный русский язык [Текст]/ П.А. Лекант– М.: Дрофа, 2001. – 448 с.
30. Литвинникова, О.И. Глаголы отадъективной производности в поэзии И.А. Бунина [Текст] / О.И. Литвинникова // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Сб. научных трудов./ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. - Елец, 2015. - С. 403-413.
31. Лукьянов, С. А. Экспрессивные конструкции как средство создания комического [Текст]/ С.А. Лукьянов// Русский язык в школе.– 1994.– №1. – С. 74-77.
32. Маркелова, Т. В. Частицы в высказываниях с оценочным значением [Текст]/ Т.В. Маркелова// Русский язык в школе.– 1995.– №2. – С. 84-89.
33. Мещерякова, О. А. Ах, темен, темен мир... (Роль «цветовых» слов в рассказе И. А. Бунина «Темные аллеи») [Текст]/ О.А. Мещерякова// Русский язык в школе. – 2008. – №9. – С.54-58.
34. Минералов, Г.Ю. Реалии и реальность в рассказе И.А. Бунина «Темные аллеи»: проблемы перевода на французский язык [Текст] / Г.Ю. Минералов // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Сб. научных трудов./ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. - Елец, 2015. - С. 419-423.
35. Михайлов, О. Иван Алексеевич Бунин [Текст]/ О.Михайлов – М.: Литература, Мир книги, 2005. – 496 с.
36. Михеева, Г. И. Изучение средств выразительности на уроках русского языка [Текст]/ Г. И. Михеева // Русский язык в школе. – 2008. – №5. – С.33-36.

37. Нефедова, Е.А. Экспрессивная лексика языковой личности и аспекты её лексикографического описания [Текст]/ Е.А. Нефедова // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей./РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 189 – 2000.
38. Никифорова, Е.Б. Некоторые особенности развития и функционирования ЛСГ негативной оценки объекта в русском языке [Текст]/ Е.Б. Никифорова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 137–138.
39. Никонов, В.М. Теоретические и прикладные аспекты коннотации в русском языке на рубеже XX – XXI [Текст]/ В. М. Никонов // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – №2. – С. 51-54.
40. Новиков, Л.Я. СРЯ: Фонетика, Лексикология, Словообразование, Морфология, Синтаксис [Текст]/ Л. Я. Новиков, Л. Г. Зубкова, В.В. Иванов. – СПб.: Лань, 1999. – 864с.
41. Павлюченкова, Т.А. «Живопись» поэзии И. А. Бунина [Текст]/ Т.А. Павлюченкова // Русский язык в школе.– 2008. – №9. – С.59-62.
42. Павлюченкова, Т.А. Колокольный звон в поэзии Ивана Бунина [Текст]/ Т.А. Павлюченкова // Русская речь. – 2009. – №4. – С.26-28.
43. Павлюченкова, Т.А. И.А. Бунин и Ш. Бодлер: кошка и альбатрос [Текст]/ Т.А. Павлюченкова // Русская речь. – 2009. – №6. – С.21-23.
44. Павлюченкова, Т.А. Язык поэзии И.А. Бунина и древнерусская культура: некоторые связи и параллели [Текст] / Т.А. Павлюченкова // Известия Смоленского государственного университета. - 2015. - № 4 (32). - С. 16-28.
45. Петрушина, М.В. Семантико-прогматические функции высказываний с модальным значением неодобрения [Текст]/ М.В. Петрушина//

Филологические науки. – 2003.– №5.– С. 58-68.

46. Попкова, Н.Н. Современные языковые процессы как объект поэтической рефлексии [Текст]/ Н.Н. Попкова // Современные тенденции функционирования русского языка и культуры речи вузовского преподавателя. Материалы научной конференции. – Белгород: БелГУ, 2009. – С.52-57.
47. Потебня, А.А. Слово и миф [Текст]/ А.А. Потебня. – М.:Правда, 1989.– 624 с.
48. Приходько, В.К. Выразительные средства языка [Текст]/ В.К. Приходько // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература, 2009, №2. – С.166-169.
49. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык [Текст]/ Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 448с.
50. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык [Текст]/ Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Международные отношения, 1995. – 558с.
51. Романов, Д.А. Способы передачи эмоций в русском языке [Текст]/ Д.А. Романов// Русский язык в школе. – 2004. – №4. – С.78-82.
52. Сапожникова, О.С. К семантической систематизации коннотативных значений [Текст]/ О.С. Сапожникова// Филологические науки. – 2003. – №2.– С. 70-79.
53. Семенихина, М.И. К вопросу об эстетическом анализе сборника рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» [Текст] / М.И. Семенихина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. - 2016. - № 1. - С. 78-81.
54. Смекалова, М. В. Языковая рефлексия диалектоносителя как форма проявления толерантности личности [Текст]/ М.В. Смекалова // Русское народное слово в языке и речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции – Арзамас-Саратов, 2009.– С.335-338.
55. Современный русский язык [Текст]/ Под ред. В.А. Белошапковой – М.:

- Высшая школа, 1981. – 560 с. (СРЯ 1981)
56. Сологуб, Ю.П. СРЯ. Лексика и фразеология [Текст] / Ю.П. Сологуб, Ф.П. Альбрехт. – М.: Наука, 2004. – 264с.
57. Ставцева, Е. Овладение эмоционально-оценочной лексикой старшими дошкольниками [Электронный ресурс]/ Е. Ставцева – Орел: Издательство «Прометей», 2016. // Электронная библиотека bookz.ru – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/elena-stavceva/ovladeni_063/1-ovladeni_063.html
58. Степанова, Ф.В. Экспрессивное употребление женских личных имён [Текст]/ Ф.В. Степанова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 150–151.
59. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы [Текст]/ А.А. Уфимцева – М.: Единоториал УРСС, 2004. – 288с.
60. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст]/ А.А. Уфимцева – М., 1968. – С. 87-92.
61. Фахарова, Г.Р. Функционирование глаголов движения прошедшего времени совершенного вида в языке произведения И.А. Бунина (цикл рассказов «Темные аллеи») [Текст] / Г.Р. Фахарова // Филология и культура. – 2011. - № 23. – С.199-203.
62. Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография [Электронный ресурс]/ Н.И. Фельдман //Вопросы языкознания. — 1957. — № 4. — С. 64-66. – Режим доступа: <http://www.razum.ru/magazines/naukamag/171114-voprosy-yazykoznanija-16-1957.html>
63. Филимонова, О. Е. Эмоциология текста [Электронный ресурс]: анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению

- «Филологическое образование» / О.Е. Филимонова. – СПб.: Кн. Дом, 2007. – 448 с.
64. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология [Текст]/ М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 2001. – 415с.
65. Харченко, В.К. Методика исследования позитива в современном разговорном дискурсе [Текст]/ В.К. Харченко// Современные тенденции функционирования русского языка и культуры речи вузовского преподавателя. Материалы научной конференции, 2009. - С.77-83.
66. Харченко, В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова [Текст]/ В.К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 67-68.
67. Хашимов, Р.И. «Ходит волнами рожь» (Метафора у И.А. Бунина) [Текст] / Р.И. Хашимов // Русская речь.– 2015. – № 5 . – С 16-21
68. Цаголова, В.А. Реализация эмоционального спектра в немецкоязычном художественном дискурсе [Текст]/ В.А. Цаголова// Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – выпуск 560. – С.232-240.
69. Чернышова, И.Р. О лексических средствах выражения эмоций в тексте эпитафий (на материале английского языка) [Текст]/ И.Р. Чернышова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Междунар. научн. конф. – Челябинск, 2003. – С. 444–445.
70. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст]/ Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 243с.
71. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций [Текст]/ В.И. Шаховский // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. – 2009.– №1. – С.38-44.
72. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: Лексика [Текст]/ Д.С. Шмелев. – М.: Едиториал УР СС, 2004. – 336с.
73. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст]/

Д.С. Шмелев – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.

74. Шпетный, К.И. Способы вербализации экспрессивности в специальном дискурсе [Текст]/ К. И. Шпетный // Русское народное слово в языке и речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции – Арзамас-Саратов, 2009. – С.254-261.

II. Список словарей:

1. Елистратов В.С. Словарь русского арго [Электронный ресурс]/ В.С. Елистратов. — М.: Русские словари, 2000. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/>
2. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст]/ Под ред. Евгеньевой А.П. – М.: Государ. из-во иностр. и национ. словарей, 1957- 1961.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/mas/MAS-abc/> – СРЯ
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст]/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999.
5. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]/ Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П. Сороколетова – М.-Л., СПб: Наука, 1965 - 2002. В. 1 - 35. (СРНГ) – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>
6. Тихонов, А.М. Комплексный словарь русского языка [Текст]/ А.М. Тихонов – М.: Медиа, 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Урок русского языка в 9 классе

Тема урока: **Изобразительно-выразительные средства языка.**

Тип урока – урок-практикум по выработке навыка лингвистического анализа текста с элементами интеграции.

Методы и приёмы работы на уроке: урок разработан с использованием технологии личностно-ориентированного, дифференцированного обучения, исследовательской, ИКТ.

Цели урока: расширение знаний об эмоционально-экспрессивной лексике русского языка

Образовательные задачи:

- повторение и обобщение основных видов изобразительно-выразительных средств языка
- совершенствование навыков и умений различать изобразительно-выразительные средства лексики – тропы

Развивающие задачи:

- продолжение работы по совершенствованию языкового чутья
- развитие умения формулировать проблемы, предлагать пути их решения

Воспитательные задачи:

- формирование и закрепление в сознании учащихся бережного отношения к родной речи.

Ход урока:

1. Введение в тему урока

Актуализация знаний. Эпиграф к уроку:

С русским языком можно творить чудеса.

Нет ничего такого, что нельзя было бы передать русским языком.

Звучание музыки, ... громыхание грозы, детский шепот и шорох морского гравия.

К. Паустовский

Ребята, что же это за волшебные понятия, которые превращают обычные слова в завораживающие звуки, заставляющие нас плакать и наслаждаться, любить и ненавидеть, страдать и чувствовать себя счастливым? (тропы, изобразительные выразительные средства)

Тема нашего урока: «Использование изобразительных и выразительных средств русского языка».

Как вы думаете, чем мы будем заниматься?

(находить в тексте и определять выразительные средства)

Правильно, а с какой целью мы будем это делать?

(Решать тесты, готовиться к экзамену)

Очень важно уметь точно, образно, красиво и ярко выражать свои мысли.

2. Итак, сегодня на уроке мы будем работать с изобразительными и выразительными средствами. Давайте вспомним, что это за понятия. Вы можете воспользоваться материалом, который у вас лежит на столах.

Как называются лексические средства выразительности? (тропы).

Какие тропы вы знаете?

А синтаксические средства какие? Назовите фигуры.

Вы правильно перечислили выразительные средства. Давайте проверим, насколько точно вы знаете их функции. Вам предлагается тест.

Инструктаж: поставьте в тетради цифры от 1-10, каждому понятию подберите правильно определение, напротив поставьте соответствующую букву.

Самопроверка и самооценка. Занесите количество баллов и оценку в лист оценивания.

3. Углубление, анализ текста.

Итак, мы проверили знание теории, каждый увидел свои ошибки и взял на заметку, что ему нужно повторить.

Скажите, где чаще всего мы встречаемся с изобразительно - выразительными средствами? (в художественной литературе)

Да, сегодня на уроке мы с вами проведём исследование, посмотрим, как работает со словом непревзойдённый Мастер Иван Алексеевич Бунин.

Посмотрите на портрет Бунина. Что вы знаете об этом удивительном писателе? (Мастер новеллы в современной русской литературе и выдающийся поэт. Писатель и поэт. Переводил Байрона. Бунину была присуждена Российской Академией наук Пушкинская премия (в 1909 он был избран почётным членом Академии наук. Картины природы в бунинской поэзии - это запахи, краски, звуки. В 1933 он стал первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии. Произведения писателя переведены на все европейские языки и на некоторые восточные).

Ученик читает стихотворение:

*Тропами потаёнными, глухими,
В лесные чащи сумерки идут.
Засыпанные листьями сухими,
Леса молчат - осенней ночи ждут.
Вот крикнул сыч в пустынном буераке...
Вот тёмный лист свалился, чуть шурша...
Ночь близится: уж реет в полумраке
Её немая, скорбная душа.*

4. Погружение в рассказ Бунина

1. Задание (до чтения рассказа).

- Попробуйте представить, что нарисовал словами автор.

2. Чтение рассказа Бунина «Первая любовь» учителем

3. Вопросы классу:

- Что вы представили, слушая это произведение?

- Какие картины нарисовал писатель?

- К какому стилю принадлежит текст? Почему?

(Рассказ полон зримых картин, образов, создаёт определённое настроение, поэтому данный текст относится к художественному стилю речи.)

- Определите тип речи. (Описание)

5. Исследовательская работа по тексту

Перечитайте рассказ. Разделите его на смысловые части. Сколько их?

(В тексте 3 смысловые части: 1 часть – описание дождя; 2 часть – описание бора; 3 часть – описание гуляющих людей.)

1 группа. Найдите выразительные средства (лексические и грамматические), при помощи которых Бунин рисует картину дождя.

2 группа. Найдите выразительные средства (лексические и грамматические), при помощи которых Бунин рисует картину бора.

3 группа. Найдите выразительные средства (лексические и грамматические), при помощи которых Бунин рисует гуляющих людей.

(Эпитеты в 1-ой части *притихший дом, свежий дождь, покорно никнут, тревожно торчит и т.д.* помогают автору ярко, образно нарисовать картину дождя).

В последнем предложении автор использует повтор и риторическое восклицание, таким способом показывая, какой сильный ливень обрушился на всех обитателей леса.

Эпитеты и метафоры во 2-ой части рассказа (*дороги влажны, бор душист, дивно отдаётся, бор величаво-громаден; бор стоит темно, тесно, мхи, лишай образуют некую русскую древность, радуется юная сосновая поросль*) позволяют читателю представить величие бора, его вечную, незыблемую красоту и передать авторский замысел: бор вечен, так как рядом с дебрями, корявыми мачтами юная поросль, которую охраняют старые деревья. Природа вечна.

Предложения связаны параллельной связью, так как перед нами текст-описание. Параллельная связь предложений усилена анафорой: "Бор

душист...". "Бор вдоль них..." и "В просеках бора... ". "Просеки кажутся..."

Милое пальтишко – сравнение, показывает доброе отношение к девочке.

Инверсия – переключает наше внимание с природы на подростков, гуляющих в лесу. Эпитеты небрежно, брезгливо рассказывают о том, что первая любовь приходит и уходит. Человеческие отношения хрупкие, их нужно беречь. Автор учит нас бережно (вопреки слову «небрежно»!) относиться к первой влюблённости).

6. Вы хорошо поработали. Наверное, каждый хочет получить отметку. Оцените себя, выполнив тесты. Проверка (тесты).

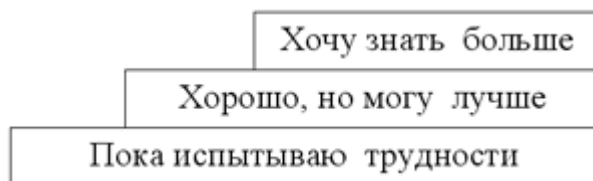
С какими группами средств выразительности мы сейчас работали? (грамматическими и лексическими)

7. Сейчас нам предстоит написать аргументы сочинения-рассуждения, раскрывая смысл известного лингвиста Г. Степанова: «Словарь языка свидетельствует, о чём думают люди, а грамматика – как они думают».

Какие еще лексические и грамматические явления, кроме выразительных средств, можем использовать в качестве аргументов? (антонимы, синонимы, разговорные слова, устаревшие слова, однородные члены, риторический вопрос). Пожалуйста, вы можете использовать и эти явления в качестве аргументов.

8. Рефлексия

Оцените себя по следующей шкале:

9. Вывод: написание синквейна

(например,

Изобразительные средства

Лексические грамматические

Рисуют, звучат, чувствуют

Язык - всем знаниям и всей природе ключ.

Как я люблю русский язык!)